

ВЕЛИКИЙ ПЕВЕЦ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

К 90-летию со дня рождения
Ф. И. Шаляпина

Больше всего, пожалуй, в биографии Шаляпина поражают сочность и яркость красок, какими был написан портрет его жизни. И не только в ту пору, когда слава певца стала достоянием мира, а имя его сделалось олицетворением вокального совершенства и гениальной артистичности. Если заглянуть в истоки шаляпинской биографии, то и там в глаза бросится необыкновенная яркость жизненных впечатлений и быющая через край радость существования.

Однажды в руки маленького Феди попала сказка о Бове-королевиче. Его поразило то, что простой метлой Бова способен был перебить стотысячное войско. Он подумал: «Хорош парень! Вот бы мне так-то!... Возбужденный желанием подвига, я выходил на двор, брал метлу и яростно гонял кур, за что куровладельцы нещадно били меня».

Много лет спустя глубину и силу перевоплощения, какие были присущи артисту Шаляпину, все признали гениальными.

Способность расцветивать все, украшать и делать радостным присутствующим была Шаляпину всю жизнь. Что же удивительного в том, что и пение свое он сумел впоследствии сделать источником радости не только для других, но и для себя самого!

Однажды, став известным, ощутив упорный аромат славы, Шаляпин попал на вечер к писателю Николаю Телешову. По средам у него собирались драматурги, артисты, собиравшиеся по перу. На этот раз был, вспоминает Телешов, и приехавший в Москву Максим Горький, которого Шаляпин нежно любил и для которого петь был готов сколько угодно.

«Шаляпин, как только вошел, сейчас же заявил нам полуслушливо: «Братцы, петь до чего хочется!».

Он тут же позвонил по телефону и вызвал композитора Рахманинова и ему тоже сказал:

— Сережа! Возьми лихача и скачи на «среду». Петь до смерти хочется. Будем петь всю ночь!

Когда Рахманинов приехал, Шаляпин не дал ему даже чаю напиться: усадил за инструмент и — «началось нечто удивительное... На него нашло вдохновение. Никогда и нигде не был он так обаятелен и прекрасен, как в этот вечер».

Итак, радость и упоение составляли суть шаляпинского отношения к делу, назначенному ему природой. Но только ли они? Какова была мера труда, которую он вложил, добиваясь совершенства?

Одна сторона будущей артистической зрелости связана с искусством наблюдения и поглощения.

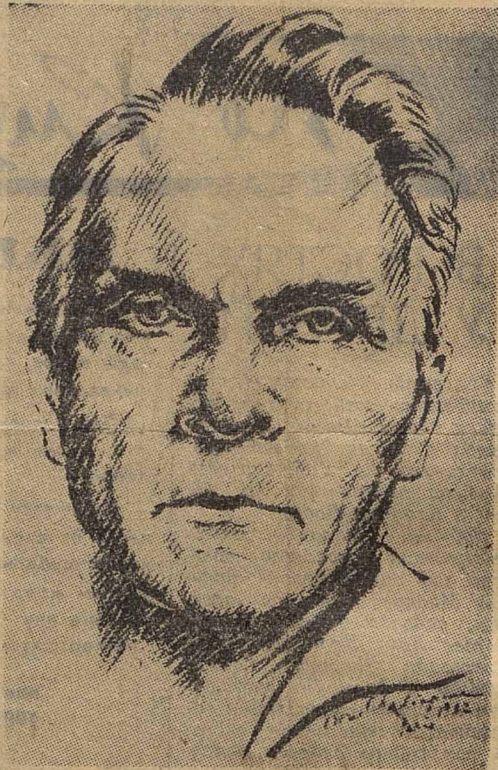
Шаляпин вбирал в себя все увиденное с жадностью необыкновенной. Богатство характеров, типов, пылкое отношение к тому, как в разных жизненных положениях ведут себя люди, — вот та школа, которую проходил молодой певец. Разве можно было бы с таким совершенством сыграть Варлаама в опере «Борис Годунов» Мусоргского, если бы в долгих странствиях по Руси не обозначился для него этот тип бездомного странника, пьянчужки, хитрого, все повидавшего попа-расстриги?

Шаляпин обладал даром гениального проникновения в душу героев; обогащая свой жизненный опыт, он сумел стать тончайшим психологом. Но психологическая правда вовсе не была неожиданной новостью для русской сцены. На Западе многие представляют себе Шаляпина как некое чудо, загадку искусства, феномен жизни. Так ли это?

«Его занимали все сцены — и те, в которых он был основным участником действия, и те, где ему отводилось скромное малоприметное место, и, наконец, даже такие, в которых он не участвовал вовсе». К кому относятся эти слова? К великому истолкователю души, мастеру рельефнейших портретов. Шаляпину?

Нет, к предшественнику его, выступавшему на Марининской сцене в тех же ролях, что и Шаляпин позже, — замечательному певцу Федору Стравинскому.

Шаляпин, который после года занятий с Усатовым попал сначала в частную труппу Лентовского, а затем на казенную сцену в столице, не мог, при его впечатлительности и пылкости, остаться безразличным к искусству Стравинского. А позже, перейдя в Московскую частную оперу, где создатель ее, Мамонтов, сплотил первоклассных художников, декораторов, постановщиков и певцов, Шаляпин с тем же упоением, с каким мальчишкой смотрел балаганные представления Якова Мамонова, стал осмысливать для себя законы сценической жизни. Но и Малый театр, где в ту пору играли такие артисты, как Федотова и Садовские, представлял собой тоже школу психологического реализма.

Ф. И. ШАЛЯПИН.
Портрет работы Б. Шаляпина.

— И как это вы, Ольга Осиповна, — спросил однажды, робел, Шаляпин у Садовской, — можете так играть?!

— А я не играю, — ответила

та

— Да как же не играете?!

— Да так. Вот я выхожу и говорю. Так же я и дома разговариваю. Какая я там, батюшка, актриса! Я со всеми так разговариваю.

Оказалось, что жизнь, которая маленькому Шаляпину представлялась «похожей на сказку», безгранично богата в своей повседневной реальности, воплощенной на сцене.

А в Петербурге? Разве не Варлаамов и Давыдов, Стрельская и Савина, эти бесподобные мастера русской драмы, продолжили школу, которую назначил себе пройти быстро формировавшийся богатырь? Кроме того, не следует забывать, что первым наставником Шаляпина в Петербурге стал замечательный русский трагик Мамонт Дальский.

Итак, школа была огромная, богатая, многообразная. Но мало было постигнуть ее. Надо было найти то свое, что в душе большого артиста неудержимо рвется наружу и мучительно ищет выхода.

Федор Шаляпин работал не только настойчиво, но иступленно. В упорстве поисков он порой доходил до отчаяния и тяжких сомнений.

В полной мере познал Шаляпин цену труда и настойчивости, соединенных с вдохновением. То, что он создал, колоссально по своим размерам и значению. В памяти человечества сохраняются его Борис, Мефистофель, Варлаам, Пимен, Князь Галицкий, Иван Грозный, Мельник и многие, многие другие оперные образы, запечатленные им с гениальной рельефностью.

Простой русский паренек из слободы, проживший двадцать лет с лишком в нищете и темноте, поднялся до недосягаемых высот артистизма; стал великим певцом земли русской.

Осип ЧЕРНЫЙ,
писатель.
(АПН).

СОВЕТСКАЯ
МОЛДАВИЯ